Л. Сѣдовъ.

УШИНСКІЙ
О
ВОСПИТАНІИ.

МОСКВА.
Типо-лит. Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К°. Пименов. ул., с. д.
1901.

Оттискъ изъ журнала „Вѣстникъ Воспитанія“.

Ушинскій о воспитаніи.

Тридцать лѣтъ прошло со дня смерти К. Д. Ушинскаго, 40—50 лѣтъ—съ того времени, какъ увидѣло свѣтъ многое изъ написаннаго имъ, но какъ свѣжо, какъ полно современнаго интереса существеннѣйшее изъ того, что̀ вышло изъ-подъ его пера. Не все, конечно, сказанное Ушинскимъ можно принять безъ оговорокъ, и онъ самъ, вѣроятно, внесъ бы извѣстныя поправки въ свои положенія, если бы ему не пришлось такъ безвременно скончаться. Но поправки эти касались бы не общихъ принциповъ воспитанія, а области школьной политики, той прикладной области, куда неизбѣжно приходится вносить измѣненія подъ вліяніемъ указаній жизни.

Ушинскому пришлось высказаться какъ объ индивидуальномъ, такъ и объ общественномъ воспитаніи, и идеи его по этимъ вопросамъ мы и попытаемся сгруппировать въ настоящей статьѣ.

Ушинскій ждалъ очень многаго отъ воспитанія, задачу котораго онъ видѣлъ въ развитіи «прежде всего и больше всего гуманности въ человѣкѣ, человѣка въ человѣкѣ» [1]). Но во всемогущество воспитанія онъ не вѣрилъ, фанатикомъ его онъ не былъ. Онъ понималъ, что власть сознательныхъ воспитательныхъ усилій все-таки ограничена и что, помимо сознательныхъ воспитательныхъ вліяній,

---

[1]) Собраніе педагогическихъ сочиненій Константина Дмитріевича Ушинскаго. Спб., 1875, стр. 499

есть масса вліяній стихійныхъ, гораздо болѣе могущественныхъ. «Воспитаніе можетъ много, но не все», говоритъ Ушинскій [1]). «Мы ясно сознаемъ,—писалъ онъ во введеніи въ свою «Антропологію»,—что воспитаніе, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, какъ *преднамѣренная* воспитательная дѣятельность—школа, воспитатель и наставники ex officio—вовсе не единственные воспитатели человѣка, и что столь же сильными, а можетъ быть и гораздо сильнѣйшими воспитателями его являются воспитатели *не преднамѣренные*: природа, семья, общество, народъ, его религія и его языкъ,—словомъ, природа и исторія въ обширнѣйшемъ смыслѣ этихъ обширныхъ понятій» [2]). Еще сильнѣе та же мысль о *воспитательномъ вліяніи среды* выражается въ статьѣ «О народности въ общественномъ воспитаніи»: «Школьное воспитаніе далеко не составляетъ *всего* воспитанія народа. Религія, природа, семейство, преданія, поэзія, законы, промышленность, литература, все, изъ чего слагается историческая жизнь народа, составляютъ его дѣйствительную школу, предъ силой которой сила учебныхъ заведеній, особенно построенныхъ на началахъ искусственныхъ, совершенно ничтожна. Невозможно такъ изолировать воспитаніе, чтобы окружающая его со всѣхъ сторонъ жизнь не имѣла на него вліянія. Она постоянно будетъ вносить свои убѣжденія и въ учителей, и въ учениковъ, придавать особенный оттѣнокъ лекціямъ первыхъ и давать направленіе воспріимчивости вторыхъ. Если же что-нибудь несогласное съ общественною жизнью и успѣетъ укорениться въ молодомъ сердцѣ, то и это немногое за дверями школы скоро изгладится [3]).

На ряду съ вліяніемъ на данную личность всей окру-

[1]) Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія. Опытъ педагогической антропологіи, изд. 7-е, въ 2-хъ томахъ, Спб., 1890 и 1891 гг. Т. II, стр. 409.

[2]) Тамъ же, т. I, Введеніе, стр. VII.

[3]) Собраніе педагогич. сочин., стр. 98.

жающей ее обстановки, Ушинскій признавалъ также и вліяніе всей предыдущей обстановки на предшествующія поколѣнія, вліяніе, закрѣпляемое въ организмѣ и передаваемое *наслѣдственно*, или, говоря его словами, «послѣдовательное вліяніе жизни на тѣлесный организмъ цѣлыхъ поколѣній» [1]). «Организмъ родителей,—полагаетъ онъ,—со всѣми его характеристическими особенностями и со всѣми измѣненіями, внесенными въ него духовною жизнью человѣка, въ разнообразнѣйшихъ комбинаціяхъ, передается дѣтямъ и составляетъ для нихъ весь объемъ прирожденныхъ наклонностей» [2]). Въ «Антропологіи» онъ выражается точнѣе, говоря, что передаются не самыя наклонности или привычки, а «нервные задатки привычекъ» [3]).

Но при всѣхъ этихъ оговоркахъ относительно «границъ воспитанія» [4]), Ушинскій придавалъ воспитанію, въ смыслѣ *преднамѣренной* дѣятельности, все-таки огромное значеніе. Указавъ на примѣры удивительной переработки личности при іезуитскомъ воспитаніи, онъ восклицаетъ: «Не достаточно ли этого, всѣмъ знакомаго примѣра, чтобы убѣдиться, что сила воспитанія можетъ достигать ужасающихъ размѣровъ, и какіе глубокіе корни можетъ пускать оно въ душу человѣка? Если же іезуитское воспитаніе, противное человѣческой природѣ, могло такъ глубоко внѣдряться въ душу, а черезъ нее и въ жизнь человѣка, то не можетъ ли еще большею силою обладать то воспитаніе, которое будетъ соотвѣтствовать природѣ человѣка и его истиннымъ потребностямъ?» [5]).

Но, чтобы достичь такого результата, воспитатель, прежде всего долженъ отнестись вполнѣ серьезно къ своей за-

---

[1]) Тамъ же, стр. 105.

[2]) Тамъ же, стр. 104.

[3]) „Человѣкъ и т. д.“, т. I, стр. 133.

[4]) Терминъ P. Bergemann'a, ср. послѣднее его произведеніе „Soziale Pädagogik“, Gera, 1900, §§ 2—8.

[5]) „Человѣкъ“, т. I, стр. VIII.

дачѣ, долженъ отказаться отъ дилетантскаго отношенія къ дѣлу, такъ распространеннаго въ нашемъ обществѣ. «Искусство воспитанія имѣетъ ту особенность,—начинаетъ свою «Антропологію» Ушинскій,—что почти всѣмъ оно кажется дѣломъ знакомымъ и понятнымъ, а инымъ даже дѣломъ легкимъ,—и тѣмъ понятнѣе и легче кажется оно, чѣмъ менѣе человѣкъ съ нимъ знакомъ, теоретически или практически».

Во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ Ушинскій настаиваетъ на томъ, что воспитатель долженъ не только обладать психологическимъ тактомъ и соотвѣтственными навыками, но также и глубоко знать основы того дѣла, за которое берется, знать объектъ воспитанія, т.-е. человѣка вообще, ребенка въ особенности, уяснить себѣ цѣль воспитанія и средства, при помощи которыхъ можетъ быть достигнута опредѣленная цѣль. Чтобы, дѣйствительно, познать человѣка (а это познаніе Ушинскій понималъ очень широко[1]), нужно основательное знакомство съ цѣлымъ рядомъ естественныхъ и общественныхъ наукъ. Такое знакомство могъ бы дать лишь особый педагогическій факультетъ, и объ учрежденіи подобнаго факультета при университетахъ и мечталъ Ушинскій (предисловіе къ I т., стр. XI—XII). Но онъ зналъ, что это—дѣло далекаго будущаго, а пока, насколько это было въ его силахъ, старался хотя бы личными усиліями познакомить съ выводами европейской науки по вопросамъ физіологіи и психологіи человѣка, безъ знакомства съ которыми не

---

[1]) „Воспитатель долженъ знать человѣка въ семействѣ, въ обществѣ, среди народа, среди человѣчества и наединѣ со своею совѣстью; во всѣхъ возрастахъ, во всѣхъ классахъ, во всѣхъ положеніяхъ, въ радости и горѣ, въ величіи и униженіи, въ избыткѣ силъ и въ болѣзни; среди неограниченныхъ надеждъ и на одрѣ смерти, когда слово человѣческаго утѣшенія уже безсильно. Онъ долженъ знать побудительныя причины самыхъ грязныхъ и самыхъ высокихъ дѣяній, исторію зарожденія преступныхъ и великихъ мыслей, исторію развитія всякой страсти и всякаго характера“ („Предисловіе“, стр. XXII).

возможна научная педагогика. Это стремленіе и привело Ушинскаго къ написанію его извѣстнаго трактата: «Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія»,—трактата, свидѣтельствующаго объ обширномъ и вдумчивомъ знакомствѣ Ушинскаго съ предметомъ, хотя и не лишеннаго недостатковъ, на которые въ свое время указалъ въ «Вѣстникѣ Воспитанія» проф. Скворцовъ (1894 г., №№ 6 и 7). Послѣдній 3-й томъ сочиненія, который долженъ былъ представить собою прикладную педагогическую часть, остался, какъ извѣстно, необработаннымъ, но и въ первыхъ двухъ томахъ повсюду разбросано очень много интересныхъ педагогическихъ замѣчаній по поводу привычекъ, памяти, вниманія, воображенія, разсудочной дѣятельности человѣка, развитія въ немъ опредѣленныхъ наклонностей, выработки характера и т. д.

Добрыя *привычки* Ушинскій остроумно называетъ «*нравственнымъ капиталомъ*, положеннымъ человѣкомъ въ свою нервную систему; капиталъ этотъ растетъ безпрестанно, и процентами съ него пользуется человѣкъ всю свою жизнь». Дурная же привычка, «въ той же мѣрѣ, есть *нравственный невыплаченный заемъ*, который въ состояніи заморить человѣка процентами, безпрестанно нарастающими, парализовать его лучшія начинанія и довести до нравственнаго банкротства» [1]). Съ особенною симпатіей Ушинскій относится къ тѣмъ людямъ, «которые тяжелой борьбой побѣдили врожденныя дурныя наклонности и выработали въ себѣ добрыя правила, руководствуясь сознаніемъ необходимости добра. Такіе *сократовскіе* характеры вырываютъ съ корнемъ зло не только изъ себя, но, можетъ быть, изъ своихъ дѣтей и внуковъ и вносятъ въ жизнь человѣчества новые живые источники добра» [2]).

Какъ ни важно для человѣка пріобрѣтеніе хорошихъ

---

[1]) Тамъ же, т. I, стр. 136.
[2]) Тамъ же, ч. I, стр. 138.

привычекъ, но всякая привычка, каждый навыкъ—не больше, какъ орудіе, облегчающее дѣятельность человѣка, но не могущее замѣнить сознательной работы его. «Въ экономіи человѣческаго организма привычка играетъ какъ разъ ту же роль, какую машина играетъ въ хозяйствѣ. Ни привычка, ни машина сами собою не придутъ въ дѣйствіе. Но онѣ сохраняютъ, экономизируютъ человѣческую силу» [1]). Но горе человѣку, который, отказавшись отъ упорнаго труда, связаннаго съ проложеніемъ новыхъ путей, отдастся инертной жизни по привычкѣ. «Если человѣкъ ищетъ въ привычкѣ не ступени для расширенія своей психо-физической дѣятельности, а уклоненія отъ трудностей труда, то ложность этого направленія обнаруживается сама собою. Дѣйствіе повторяющееся становится дѣйствительно все легче и легче, но вмѣстѣ съ тѣмъ все менѣе и менѣе занимаетъ душу. Жизнь, вращающаяся въ привычкахъ, дѣлается рутиною, и дѣятельность душевная суживается все болѣе и болѣе... Это значеніе привычки въ экономіи человѣческой жизни долженъ имѣть всегда въ виду воспитатель. Онъ долженъ ясно сознавать, что на привычкахъ основывается возможность постепеннаго расширенія дѣятельности человѣка, но что самое это постепенное расширеніе дѣятельности есть цѣль, соотвѣтствующая природѣ души человѣческой, а привычки являются только средствомъ къ постоянному достиженію этой цѣли. Вотъ почему, давая человѣку массу привычекъ, воспитатель долженъ заботиться, чтобы самъ человѣкъ не погрязъ въ этой массѣ и чтобы, переставъ употреблять машину, для чего она назначена, самъ не сдѣлался машиною» [2]).

Память Ушинскій дѣлитъ на *механическую* и *сознательную*, или *душевную* память. Усиленію первой особенно помогаетъ дружное участіе всѣхъ органовъ въ актѣ

---

[1]) Тамъ же, ч. II, стр. 410.
[2]) Тамъ же, т. II, стр. 411 и 412.

усвоенія, почему «педагогъ, желающій что-нибудь прочно запечатлѣть въ дѣтской памяти, долженъ позаботиться о томъ, чтобы какъ можно болѣе органовъ чувствъ—глазъ, ухо, голосъ, чувство мускульныхъ движеній и даже, если возможно, обоняніе и вкусъ—приняли участіе въ актѣ запоминанія» [1]. Отсюда—необходимость возможно большей наглядности при изученіи предметовъ. «Весьма полезно и даже совершенно необходимо,—писалъ Ушинскій,—пріобрѣсть для школы значительное собраніе картинъ, изображающихъ именно тѣ событія изъ священной и гражданской исторіи, тѣ предметы изъ географіи и естественной исторіи и т. д., о которыхъ вы намѣрены бесѣдовать съ вашими учениками... При объясненіи такихъ предметовъ, которыхъ нарисовать нельзя, слѣдуетъ, по крайней мѣрѣ, напоминать ученику приблизительно то, что онъ видѣлъ, слышалъ или чувствовалъ» [2].

„Душевная“ память зависитъ отъ большей или меньшей степени вниманія, особенно вниманія активнаго, произвольнаго. Память не является какою-то самостоятельною способностью, которую можно развивать вообще различными упражненіями, она «не можетъ изощряться, какъ стальное лезвее». Новыя данныя запоминаются лишь въ томъ случаѣ, если въ душѣ есть уже извѣстные залоги для воспріятія новыхъ фактовъ, извѣстныя зацѣпки, въ видѣ сложившихся уже представленій, съ которыми могутъ соединяться въ прочныя ассоціаціи вновь пріобрѣтаемые факты. Отсюда—важный педагогическій выводъ: «Передавая памяти факты безполезные, не ведущіе къ усвоенію другихъ полезныхъ фактовъ, мы наносимъ ей вредъ, потому что, во всякомъ случаѣ, сила памяти, зависящая такъ много отъ нервной системы, ограничена. Свѣдѣніе же, которое останется въ памяти одинокимъ и не послужитъ къ усвоенію другихъ, однородныхъ свѣдѣній, только обременяетъ,

---

[1] Тамъ же, т. I, стр. 155.
[2] „Собраніе педагогич. сочиненій“, стр. 192—194.

а не развиваетъ память» [1]). Но на опредѣленномъ матеріалѣ можно и должно развивать память, въ опредѣленномъ, конечно, направленіи. Необходимо для этого почаще заставлять себя вспоминать усвоенные факты. «Заставляя себя упорно вспоминать то или другое, мы привыкаемъ не забывать,—получаемъ увѣренность въ возможности вспоминать, а эта увѣренность имѣетъ сильнѣйшее вліяніе на актъ воспоминанія. Въ этомъ можетъ убѣдиться всякій внимательный наставникъ. Дитя, не увѣренное въ своей памяти, привыкшее знать, что оно забываетъ, легко отказывается отъ усилій воспоминанія и тѣмъ самымъ заставляетъ изглаживаться въ памяти пріобрѣтенные ею факты» [2])

Въ главѣ о *воображеніи* очень важно указаніе на то, что, при живости дѣтскаго воображенія и вѣрѣ дитяти въ дѣйствительность его собственныхъ представленій «опасно играть дѣтскимъ воображеніемъ и дѣтскою безграничною довѣрчивостью. При раздражительности нервовъ дѣйствіемъ страха можно сдѣлать дѣтей безумными, тупыми или подверженными ужасамъ, которые составятъ несчастіе ихъ жизни» [3]). Очень интересны также замѣчанія относительно *дѣтскихъ игръ*, являющихся для дитяти дѣйствительностью, гораздо болѣе интересною, чѣмъ та, которая его окружаетъ. «Въ игрѣ дитя живетъ, и слѣды этой жизни глубже остаются въ немъ, чѣмъ слѣды дѣйствительной жизни, въ которую онъ не могъ еще войти по сложности ея явленій и интересовъ. Въ дѣйствительной жизни дитя не болѣе, какъ дитя, существо, не имѣющее еще никакой самостоятельности, слѣпо и беззаботно увлекаемое теченіемъ жизни; въ игрѣ же дитя—уже зрѣющій человѣкъ, пробуетъ свои силы и самостоятельно распоряжается своими же созданіями» [4]). При такой важной

---

[1]) „Человѣкъ“, ч. I, 271.
[2]) Тамъ же, ч. I, стр. 271.
[3]) Тамъ же, т. I, стр. 301.
[4]) Тамъ же, стр. 306.

роли игръ въ жизни ребенка онѣ могутъ имѣть для него огромное воспитательное значенiе. Такъ, «въ играхъ общественныхъ, въ которыхъ принимаютъ участiе многiя дѣти, завязываются первыя ассоцiацiи общественныхъ отношенiй. Дитя, привыкшее командовать или подчиняться въ игрѣ, не легко отучается отъ этого направленiя и въ обыденной жизни». Но игра только въ томъ случаѣ можетъ въ полной мѣрѣ возымѣть воспитательное влiянiе, если дана полная свобода самодѣятельности дитяти. «Игра потому и игра, что она самостоятельна для ребенка, а потому всякое вмѣшательство взрослаго въ игру лишаетъ ее дѣйствительной, образовывающей силы» [1]).

Особенно велика роль воображенiя, по мнѣнiю Ушинскаго, вполнѣ совпадающему съ современными психологическими возрѣнiями [2])—въ юношескомъ перiодѣ. Важно поэтому, чтобы воображенiе юноши было занято возвышенными мечтами. „*Въ огнѣ, оживляющемъ юность, отливается характеръ человѣка.* Вотъ почему не слѣдуетъ ни тушить этого огня, ни бояться его, ни смотрѣть на него, какъ на нѣчто опасное для общества, ни стѣснять его свободнаго горѣнiя, а только заботиться о томъ, чтобы матерiалъ, который въ это время вливается въ душу юноши, былъ хорошаго качества» [3]).

Въ главѣ объ *умственномъ воспитанiи* Ушинскiй набросалъ нѣсколько очень одушевленныхъ строкъ, направленныхъ противъ трусости предъ истиной, противъ того мнѣнiя, будто бы знанiе истины можетъ принести вредъ дѣтской душѣ. „*Истина не можетъ быть вредна: это одно изъ самыхъ святыхъ убѣжденiй человѣка*, и воспитатель, въ которомъ поколебалось это убѣжденiе, долженъ оставить дѣло воспитанiя—онъ его не достоинъ... Пусть воспитатель заботится только о томъ, чтобы не *давать*

---

[1]) Тамъ же, стр. 307.
[2]) См. ст. „Психологiя юношескаго возраста“, „Вѣстн. Восп.“ 1897.
[3]) „Человѣкъ“, т. I стр. 308—309.

дѣтямъ ничего, кромѣ истины, конечно, выбирая между истинами тѣ, которыя соотвѣтствуютъ данному возрасту воспитанника и пусть будетъ спокоенъ насчетъ ея нравственныхъ и практическихъ результатовъ [1]).

Выборъ тѣхъ или другихъ предметовъ для развитія умственныхъ способностей далеко не безразличенъ, такъ какъ «психическій анализъ показываетъ ясно, что *формальное развитіе разсудка*, въ томъ видѣ, какъ его прежде понимали, есть *несуществующій призракъ*, что разсудокъ развивается только въ дѣйствительныхъ реальныхъ знаніяхъ, что его нельзя *наломать*, какъ какую-нибудь стальную пружину, и что самый умъ есть не что иное, какъ хорошо организованное знаніе».

Предметами, наиболѣе пригодными для развитія ума, Ушинскій признаетъ родное слово и предметы, «непосредственно раскрывающіе человѣка и природу, а именно: исторію, географію, математику, естественныя науки; за этимъ помѣщаемъ изученіе новѣйшихъ иностранныхъ языковъ, а въ изученіи древнихъ видимъ спеціальность, необходимую лишь для извѣстной отрасли ученыхъ занятій» [2]).

Особенно крупное образовательное значеніе Ушинскій приписываетъ изученію родного языка, такъ какъ, «усваивая родной языкъ, ребенокъ усваиваетъ не одни только слова, ихъ сложенія и видоизмѣненія, но безконечное множество понятій, воззрѣній на предметы, множество мыслей, чувствъ, художественныхъ образовъ, логику и философію языка,—и усваиваетъ легко и скоро, въ два-три года, столько, что и половины того не можетъ усвоить въ двадцать лѣтъ прилежнаго и методическаго ученія» [3]). Каждый языкъ является результатомъ многовѣковой духовной жизни даннаго народа, онъ—органическое созданіе народной мысли и чувства, вотъ почему

---

[1]) Тамъ же, т. I, стр. 485.

[2]) Собраніе педагогич. сочин., стр. 516—517.

[3]) Собраніе педагогическихъ сочиненій, 204—205.

въ полной мѣрѣ языкъ и можетъ быть усвоенъ лишь въ той обстановкѣ, среди того народа, гдѣ онъ выработался. Изучаемый же внѣ этой обстановки и потому усваиваемый поверхностно, онъ никогда не окажетъ надлежащаго развивающаго вліянія. Вотъ почему за изученіе иностранныхъ языковъ можно приниматься лишь послѣ того, какъ хорошо усвоено и оказало свое благодѣтельное воздѣйствіе родное слово. Самъ по себѣ иностранный языкъ, изучаемый ребенкомъ въ русской обстановкѣ, «никогда не окажетъ такого сильнаго вліянія на его духовное развитіе, какой оказалъ бы родной ему языкъ; никогда не проникнетъ такъ глубоко въ его духъ и тѣло, никогда не пуститъ такихъ глубокихъ здоровыхъ корней, обѣщающихъ богатое, обильное развитіе» [1]).

Есть семьи, гдѣ создаютъ искусственно иностранную обстановку, заставляя ребенка съ первыхъ же шаговъ слышать чужое слово и говорить не на родномъ, а на иностранномъ языкѣ. Это можетъ оказать только притупляющее вліяніе на развитіе дитяти, такъ какъ «ребенокъ труднѣе, тупѣе, менѣе глубоко входитъ въ пониманіе природы и жизни, или, другими словами, развивается медленнѣе и слабѣе. Природы Франціи или Англіи, конечно, никогда не создать посреди Россіи; но если и удается создать въ своемъ домѣ чуждую жизни сферу, то какъ бѣдна эта сфера, какъ мелка она, какъ на каждомъ шагу прорывается она дырами, сквозь которыя проглядываетъ наша національность, для пониманія и выраженія которой у ребенка нѣтъ родного слова» [2]). Еще хуже, если дитя начнетъ разомъ говорить на нѣсколькихъ языкахъ. «При такомъ смѣшеніи, великій наставникъ рода человѣческаго—слово—не окажетъ почти никакого вліянія на развитіе дитяти, а безъ помощи этого педагога никакіе педагоги ничего не сдѣлаютъ» [3]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 207.
[2]) Тамъ же, стр. 208.
[3]) Тамъ же, стр. 210.

Изъ предметовъ, рекомендуемыхъ Ушинскимъ для развитія умственныхъ силъ ребенка, особенное недовѣріе по отношенію къ себѣ постоянно возбуждало естествознаніе, почему Ушинскому пришлось остановиться на страхахъ предъ естествознаніемъ, какъ «проводникомъ матеріалистическихъ убѣжденій».

Всѣ эти страхи — только «слабодушное недовѣріе къ истинѣ и ея источнику—Творцу природы и души человѣческой» [1]). Ознакомленіе съ научными выводами современнаго естествознанія крайне необходимо. «Успѣхи естественныхъ наукъ, характеризующіе наше столѣтіе, идутъ не только въ ширь, но и въ глубь. Число знаній человѣка о природѣ не только увеличилось въ громадныхъ размѣрахъ, но и сами эти знанія все болѣе и болѣе пріобрѣтаютъ *научную* форму, способную развить человѣка умственно не менѣе, а можетъ быть и болѣе, чѣмъ прежніе пріемы и методы такъ называемаго формальнаго развитія. Неужели же школа останется какъ бы не знающею о такой реформѣ въ наукѣ и жизни и будетъ идти своимъ прежнимъ устарѣлымъ ходомъ, забывая, что то, что было современнымъ и полезнымъ, можетъ сдѣлаться несовременнымъ, неполезнымъ, а потому и вреднымъ?.. Неужели же воспитатель выполнитъ свое дѣло, только отвернувшись отъ той самой жизни, для которой долженъ приготовить своихъ воспитанниковъ?» [2])

Много глубоко-вѣрныхъ педагогическихъ замѣчаній разбросано Ушинскимъ и въ отдѣлѣ, посвященномъ *чувствованіямъ*. Мы упоминали уже, что Ушинскій особенно высоко ставитъ сознательно переработавшіе себя, «сократовскіе», какъ выражается онъ, характеры. Природой дарованныя добрыя наклонности сами по себѣ особеннаго восторга въ немъ не вызываютъ. Самое чувство одной доброты онъ признаетъ «ни хорошимъ, ни дурнымъ въ

---

1) „Человѣкъ", т. I, стр. 484 и 485.
2) Тамъ же, т. I, стр. 484 и 485.

нравственномъ отношенiи» и цѣнитъ въ человѣкѣ только сознательное стремленiе къ добру, а не аморфную тепловатость души, заставляющую разбрасываться во всѣ стороны и надѣлать иногда больше зла, чѣмъ добра. «Вотъ почему, если воспитатель долженъ заботиться о томъ, чтобы не сдѣлать душу *гнѣвною*, не воспитать такъ называемаго *желчнаго* человѣка, ищущаго вездѣ и во всемъ пищу своему гнѣву, то точно такъ же долженъ онъ заботиться и о томъ, чтобы не воспитать души *безтолково доброй*, изливающей свою доброту на что попало и чаще на зло, чѣмъ на добро, потому что зло хитрѣе добра умѣетъ подстерегать добрыя минуты человѣка и пользоваться ими. Словомъ, если воспитатель не долженъ развивать желчнаго настроенiя въ воспитанникѣ, то онъ долженъ также позаботиться, чтобы не воспитать въ немъ той *пряничной* души, въ которой также нѣтъ никакого нравственнаго достоинства» [1]).

Не пряничность души, а высокiя нравственныя чувства хотѣлось бы развить Ушинскому, тѣ сложныя чувства, гдѣ эмоцiональный элементъ такъ неразрывно связанъ съ интеллектуальнымъ и волевымъ. Очень важно инстинктивное стремленiе къ добру, но оно ничто безъ идейности. На развитiи этой идейности, на развитiи стремленiя къ «высокому и святому» постоянно настаиваетъ Ушинскiй. «Всякая школа, прежде всего, должна показать человѣку то, что въ немъ есть самаго драгоцѣннаго, заставить его познать себя частицей безсмертнаго и живымъ органомъ мирового, духовнаго развитiя человѣчества» [2]). Нужно всячески стремиться къ тому, чтобы зажечь въ душѣ воспитываемаго святой огонь, и избѣгать всего того, что можетъ умалить духъ человѣка, принизить и опошлить его. На этомъ основанiи «педагогическое дѣйствiе страха очень сомнительно и если можно имъ пользоваться, то

---

[1]) „Человѣкъ“, т. II, 152.
[2]) Собранiе педагогич. сочиненiй, 170.

очень осторожно, всегда имѣя въ виду, что смѣлость есть жизненная энергія души». Ссылкой на библейское выраженіе: «Страхъ Божій есть начало премудрости», различные любители *задать страху дѣтямъ* только прикрываютъ «свое неумѣніе сдерживать гнѣвъ, неумѣніе, которое должно бы вычеркнуть ихъ изъ списка воспитателей, и внушаютъ дѣтямъ не страхъ *Божій*, а страхъ *учительскій*, изъ котораго родятся ложь, притворство, хитрость, трусость, рабство, слабость, ничтожество души, а не премудрость» [1]).

Вотъ почему также «какъ яда, какъ огня надобно бояться, чтобы къ мальчику не забралась идея, что онъ учится только для того, чтобы какъ-нибудь надуть своихъ экзаменаторовъ и получить чинъ, что наука есть только билетъ для входа въ общественную жизнь, который слѣдуетъ бросить или позабыть въ карманѣ, когда швейцаръ уже пропустилъ васъ въ залу, гдѣ и прошедшій безъ билета или съ фальшивымъ билетомъ смотритъ съ одинаковою самоувѣренностью».

Наилучшей предупредительной мѣрой противъ возникновенія такихъ низменныхъ представленій является пріученіе человѣка — искренно искать серьезной цѣли въ жизни. Нѣтъ этой цѣли—и жизнь теряетъ всякій смыслъ. «Удовлетворите всѣмъ желаніямъ человѣка, но отымите у него *цѣль* въ жизни, и посмотрите, какимъ несчастнымъ и ничтожнымъ существомъ явится онъ. Слѣдовательно, не удовлетвореніе желаній, то, что обыкновенно называютъ счастіемъ, а *цѣль въ жизни* является сердцевиной человѣческаго достоинства и человѣческаго счастія. И чѣмъ быстрѣе и полнѣе вы будете удовлетворять стремленію человѣка къ наслажденіямъ, отнявъ у него цѣль въ жизни, тѣмъ несчастнѣе и ничтожнѣе вы его сдѣлаете... Эта цѣль должна быть такова, чтобы могла быть цѣлью человѣка, чтобы достиженіе ея могло дать безпре-

---

1) „Человѣкъ", т. II, 162.

станную и постоянно расширяющуюся дѣятельность человѣку» [1]).

Такою захватывающею всего человѣка цѣлью можетъ быть, конечно, лишь достиженіе общаго благополучія. Но если человѣкъ неспособенъ подняться до пониманія общества въ его цѣломъ и до сознанія необходимости работы для всего общества, пусть работаетъ онъ хотя бы въ маленькомъ кругу и хотя бы для тѣхъ цѣлей, которыя субъективно, по его искреннему убѣжденію, представляются ему серьезными и достойными человѣка цѣлями жизни. «Цѣли жизни могутъ быть мелки, ничтожны; но если человѣкъ не замѣчаетъ ихъ ничтожности, не переросъ ихъ значенія, то онѣ для него серьезныя цѣли: онъ преслѣдуетъ ихъ и живетъ. Но отымите у него эти цѣли, и если онъ потеряетъ надежду отыскать другія, то будетъ *влачить свое существованіе*, а не жить, или подыметъ на себя руку» [2]).

Но отчего же такъ важна цѣль въ жизни человѣка? Именно оттого, что она вызываетъ душу на дѣятельность, на дѣятельность сознательную и свободную, вызываетъ душу на трудъ». А *трудъ* упорный и идейный трудъ Ушинскій ставилъ особенно высоко, такъ какъ признавалъ его непремѣннымъ условіемъ для выработки активныхъ и дѣловыхъ характеровъ, которые одни только и являются дѣйствительно цѣнными членами общества. Платоническое стремленіе къ добру, не приводящее къ дѣятельности въ опредѣленномъ направленіи, ничего не стоило въ глазахъ Ушинскаго, цѣнившаго лишь людей, дѣйствительно дѣлающихъ дѣло жизни.

Но это должно быть именно дѣло жизни. Мало выработать характеръ, способный дѣйствовать въ направленіи, разъ избранномъ, способный сосредоточиться въ этомъ направленіи, нужно, чтобы и самое направленіе было доброе. А между тѣмъ «характеръ можетъ быть

---

1) Тамъ же, т. II, 391.
2) Тамъ же, 397.

силенъ и весьма сосредоточенъ въ одномъ направленіи, такъ что человѣкъ хочетъ сильно и знаетъ, чего хочетъ, но самое это направленіе можетъ быть положительно дурнымъ. Таковы очень часто характеры у закоренѣлыхъ злодѣевъ; но таковы же они и у великихъ практическихъ благодѣтелей человѣчества. Такой могучій характеръ— мечъ обоюдоострый, годный какъ для того, чтобы губить, такъ и для того, чтобы защищать» [1]). Очень важна поэтому выработка добрыхъ, высокихъ стремленій, но не менѣе важна и выработка умѣнія практически воплощать ихъ въ жизнь, выработка привычки къ труду въ опредѣленномъ направленіи. Всякія же условія, атрофирующія въ человѣкѣ потребность къ труду, осуждающія его на паразитическое существованіе, губятъ его. Какъ часто, напримѣръ, бѣднякъ бьется цѣлую жизнь, чтобы избавить своихъ дѣтей отъ необходимости трудиться, а въ концѣ-концовъ бьется надъ тѣмъ, «чтобы разрушить ихъ нравственность, сократить ихъ существованіе и сдѣлать для нихъ счастіе невозможнымъ» [2]). «Безъ личнаго труда человѣкъ не можетъ идти впередъ; не можетъ оставаться на одномъ мѣстѣ; но долженъ идти назадъ» [3]). Говоря о благотворномъ вліяніи труда, Ушинскій подымается до высокаго лиризма: «Кто не испыталъ живительнаго, освѣжающаго вліянія труда на чувства?—восклицаетъ онъ. Кто не испыталъ, какъ послѣ тяжелаго труда, долго поглощавшаго всѣ силы человѣка, и небо кажется свѣтлѣе, и солнце ярче, и люди добрѣе? Какъ ночные призраки отъ свѣжаго утренняго луча, бѣгутъ отъ свѣтлаго и спокойнаго лица труда—тоска, скука, капризы, прихоти, всѣ эти бичи людей праздныхъ и романтическихъ героевъ, страдающихъ обыкновенно высокими страданіями людей, которымъ нечего дѣлать» [4]).

---

1) „Человѣкъ" т. II, 356—357.
2) Собр. педагог. сочиненій, 154.
3) Тамъ же, 156.
4) Тамъ же, 158.

Но трудъ можетъ оказать благотворное вліяніе на умственное и нравственное развитіе человѣка лишь въ томъ случаѣ, если это трудъ не подневольный, не рабскій, а самостоятельный, свободный и любимый. Даже если это не рабскій трудъ, а трудъ рутинный или трудъ по указкѣ, онъ мало полезенъ. Важно поэтому не только развивать жажду дѣятельности у ребенка, но также «смѣлость и увѣренность, необходимыя для того, чтобы преодолѣвать трудности самостоятельной душевной дѣятельности» [1]).

Свободный трудъ не значитъ, конечно, трудъ по прихоти. Наоборотъ, этотъ свободный трудъ сплошь и рядомъ заставляетъ человѣка ограничивать свободу своихъ желаній, жертвовать ими. «Принимаясь за дѣятельность изъ любви къ ея содержанію, къ ея идеѣ, человѣкъ самъ безпрестанно *добровольно* стѣсняетъ свою свободу и безпрестанно преодолѣваетъ эти стѣсненія, наложенныя на него этимъ же его излюбленнымъ трудомъ» [2]). Только такимъ путемъ и научается человѣкъ завоевывать свободу. «И нѣтъ ничего забавнѣе, какъ слышать декламаціи о свободѣ отъ такихъ людей, которые не могутъ и дня прожить безъ чужой помощи. Таковъ уже неизбѣжный психическій законъ: свобода есть законная дочь вольнаго, упорнаго, неутомимаго труда, а вольный трудъ широко развивается только подъ покровомъ свободы; ибо какъ то, такъ и другое составляютъ только двѣ стороны *жизни*—этого стремленія къ дѣятельности сознательной и свободной» [3]). Свобода и произволъ слишкомъ часто смѣшиваются въ нашемъ обществѣ и для многихъ, къ сожалѣнію, и теперь еще не являются элементарной истиной тѣ слова, которыя Ушинскій направилъ по этому поводу по адресу воспитателя: «Онъ долженъ зорко отли-

---

[1]) „Человѣкъ" т. II, 408.
[2]) Тамъ же, т. II, 367.
[3]) Тамъ же, 368.

чать упрямство, капризъ и потребность свободной дѣятельности и бояться болѣе всего, чтобы, подавляя первыя, не подавить послѣдней, безъ которой душа человѣка не можетъ развить въ себѣ никакого человѣческаго достоинства,—словомъ, онъ долженъ воспитать сильное *стремленіе къ свободѣ* и не дать развиться *склонности къ своеволію или произволу*» [1]).

«Свободный, излюбленный, задушевный трудъ» надъ высокою цѣлью жизни, избранною человѣкомъ по глубокому убѣжденію, и является единственнымъ доступнымъ для человѣка счастіемъ. А что же такое «покой души», о которомъ также говорятъ, какъ о высшемъ счастьи? Это только другая сторона того же труда. Покой душевный не есть покой физическій, это—результатъ цѣльности души, безъ остатка захваченной любимой работой. Научиться такому покою—«не значитъ ли научиться тому, какъ спокойна душа, вся отдавшаяся своему дѣлу, до того отдавшаяся, что она уже не замѣчаетъ наслажденій, не возмущается страданіями и, не думая о личномъ своемъ отношеніи къ дѣлу, не ощущаетъ и никакой гордости имъ, когда вся душа—одна кротость, смиреніе и самое дѣло, когда вся она—одно могучее *творческое* слово: «да будетъ»!» [2]).

Таковы идеи Ушинскаго объ общихъ условіяхъ и задачахъ воспитанія. Скажутъ, быть можетъ, что многое изъ этого—азбука. Можно бы только радоваться, если бы это было такъ. Радоваться и за Ушинскаго по тому поводу, что его любимыя идеи, проповѣдь которыхъ на Руси въ его время была смѣлымъ новаторствомъ, воплотились въ жизнь, радоваться и за общество на томъ основаніи, что оно восприняло, дѣйствительно, плодотворныя идеи.

Къ сожалѣнію, этого нѣтъ. Даже и въ теоріи и до сихъ

---

[1]) Тамъ же, 368.
[2]) Тамъ же, 425.

поръ приходится разъяснять все ту же азбуку. Не только у насъ, но и на Западѣ идеи, совпадающія со взглядами Ушинскаго на развитіе, напримѣръ, памяти, на такъ называемое формальное развитіе, на значеніе родного слова, на вредъ преждевременнаго изученія иностранныхъ языковъ и т. д., проводятся, какъ основы для *новыхъ путей* въ педагогикѣ [1]). Проповѣдь труда, какъ основы жизни, проповѣдь идейности, отдачи себя безъ остатка на служеніе идеѣ раздавалась, конечно, задолго до Ушинскаго, но среди большинства проповѣдь эта, вѣроятно, еще долго не найдетъ воспріимчивыхъ слушателей.

А что касается практическаго воплощенія въ жизнь даже элементарнѣйшихъ изъ выставленныхъ Ушинскимъ требованій, то предоставимъ ему самому слово для характеристики фактическаго положенія воспитательныхъ условій у насъ, а потомъ и спросимъ себя, положивши руку на сердцѣ, существенно ли измѣнились всѣ эти условія за тѣ многіе годы, что прошли съ той поры? Характеристика, сдѣланная Ушинскимъ, касается отчасти *школьныхъ*, отчасти *общественныхъ* условій воспитанія.

Народная школа только возникала во времена Ушинскаго, но одинъ коренной недостатокъ ея, по мнѣнію его, и тогда уже долженъ былъ быть отмѣченнымъ. При томъ громадномъ значеніи, какое придавалъ онъ родному слову, ему казалось большой ошибкой изгнаніе изъ народной школы мѣстнаго языка. «Мало успѣха,—писалъ онъ,—будетъ имѣть та школа, въ которую дитя переходитъ изъ дому какъ изъ рая въ адъ, и изъ которой оно бѣжитъ домой, какъ изъ темнаго ада, въ которомъ все темно, чуждо и непонятно, въ свѣтлый рай, гдѣ все ясно, понятно и близко сердцу; а почти такое впечатлѣніе должна производить школа на дитя малороссіянина, когда оно начинаетъ посѣщать это странное мѣсто, въ которомъ одномъ только

[1]) См., между прочимъ, ст. „Кризисъ средняго образованія и одна изъ теоретическихъ попытокъ его разрѣшенія", „Вѣстн. Восп." 1897, „Психологическія основы преподаванія", „Вѣстн. Восп." 1899.

въ цѣломъ селѣ и говорятъ на непонятномъ языкѣ. Дитя, не слыхавши дома ни одного великорусскаго слова, начинаетъ въ школѣ съ перваго же дня ломать на великорусскій ладъ, и добро бы еще на чисто великорусскій, а то на тотъ отвратительный жаргонъ, который вырабатывается у малообразованнаго малороса при стараніи говорить по-великорусски». Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ только ученикъ выйдетъ изъ школы, «народный языкъ и народная жизнь снова овладѣваютъ его душою и заливаютъ и изглаживаютъ всякое впечатлѣніе школы, какъ нѣчто совершенно имъ чуждое. Что же сдѣлала школа? Хуже чѣмъ ничего! Она на нѣсколько лѣтъ задержала естественное развитіе дитяти; остается, правда, грамотность или, лучше сказать, полуграмотность, и то не всегда, и можетъ пригодиться къ тому, чтобы на полурусскомъ нарѣчіи написать какую-нибудь ябеду; душу же человѣка такая школа не развиваетъ, а портитъ» [1]).

Главнымъ образомъ Ушинскому пришлось говорить о школахъ для привилегированныхъ классовъ. Школы эти очень часто являлись не школами труда, а школами бездѣлія, принуждавшими воспитанниковъ къ «лакейскому» препровожденію времени, «когда человѣкъ остается безъ роботы въ рукахъ, безъ мысли въ головѣ» [2]). «Вотъ,—вспоминаетъ Ушинскій,—обширный, пустой дворъ громаднаго учебнаго заведенія: лѣто, вакаціи; солнце обливаетъ яркимъ свѣтомъ толпы дѣтей и молодыхъ людей. Но что же дѣлаютъ эти дѣти и молодые люди? Въ полномъ смыслѣ слова учатся убивать время, какъ будто его и не вѣсть сколько отпускается на долю человѣка. И какъ скучно, какъ невыносимо скучно бѣднягамъ! Счастливъ еще тотъ, кто, проспавъ ночь, можетъ проспать и долгій лѣтній день, просыпаясь только къ обѣду и ужину. Но не всѣ же могутъ спать двадцать часовъ въ сутки: и вотъ одинъ, отъ

---

[1]) Собраніе педагогическихъ сочиненій, 379—380.

[2]) Тамъ же стр. 174.

нечего дѣлать, пальцемъ прокапываетъ дырку въ землѣ; другой, повалившись навзничь, плюетъ въ воздухъ; третій лежитъ ничкомъ и рветъ зубами траву; четвертый очень прилежно выдавливаетъ колѣномъ дно своей фуражки; тамъ небольшая кучка, притаившись за кустомъ, куритъ папиросы; въ другомъ мѣстѣ тишкомъ играютъ въ карты. Всѣ эти молодые люди обладаютъ правомъ гибнуть отъ скуки и праздности, отравляющей и тѣло, и душу» [1]).

Школа должна бы явиться обширной семьей, соединяющей въ себѣ всѣ хорошія стороны обычной семьи, но сверхъ того дающей дѣтямъ элементъ общественности, котораго мало въ семьѣ. У насъ школа, сплошь и рядомъ,—казарма, со всѣми худшими ея сторонами. «Жизнь ребенка становится постояннымъ церемоніаломъ, который весь расписанъ заранѣе: въ 6 часовъ встаютъ по колокольчику или барабану, до половины 7-го одѣваются, идутъ на молитву, повторяютъ уроки, приходятъ учителя, идутъ къ завтраку, садятся опять за уроки, отправляются къ обѣду, маршируютъ отъ обѣда и т. д., и т. д. Но когда же живутъ эти дѣти, когда развиваются? — Гдѣ-нибудь тайкомъ отъ воспитателя, въ какомъ-нибудь темномъ уголку, куда не проникаетъ его всенивеллирующій взглядъ.—Такимъ образомъ, форменная жизнь въ заведеніи идетъ своимъ порядкомъ, а настоящее, дѣйствительное воспитаніе блуждаетъ тысячами другихъ. И признаемся откровенно, мы бы пожалѣли о воспитанникахъ такого заведенія, воспитателямъ котораго удалось бы преградить всѣ эти побочныя, скрытыя дорожки дѣтской жизни» [2]). Порядокъ, царствующій въ заведеніи казарменнаго типа, можно выразить, — говоритъ Ушинскій, — словами: «*Канцелярія и экономія на верху, администрація въ серединѣ, ученіе подъ ногами, а воспитаніе за дверьми заведенія*» [3]).

Что касается *общественныхъ условій* воспитанія, то они

---

[1]) Тамъ же, стр. 451 и 452.
[2]) Тамъ же, 302 - 303.

таковы, что создаютъ только *семейную*, а не общественную нравственность. У насъ крайній недостатокъ общественно-развитыхъ людей [1]). Въ крестьянскомъ быту — нравственность, по преимуществу *патріархальная*, «нравственность, свойственная всякому народу, мало тронутому исторіей», нравственность не по сознанію, а по традиціи, по привычкѣ. «Эта патріархальная нравственность подверглась вліянію вѣковъ, одѣвающихъ плѣсенью и твердую скалу, и, не очищаемая огнемъ сознанія, несетъ изъ поколѣнія въ поколѣніе не только истинно-нравственныя правила, но и предразсудки, суевѣрія, иногда вовсе не нравственные совѣты и двусмысленнаго достоинства пословицы—эти совѣты практической мудрости давно отжившихъ поколѣній» [2]). Гдѣ нѣтъ сознанія, тамъ нѣтъ и надежнаго основанія для устойчивости. «Наша патріархальная нравственность не выдерживаетъ столкновенія съ цивилизаціей, поѣдается ею, какъ вѣковые лѣса поѣдаются пламенемъ пожара» [3]). Патріархальная нравственность — чисто-родовая, предписанія морали признаются только по отношенію къ членамъ рода, за предѣлами котораго прекращаются всякія человѣческія обязанности. Человѣкъ, «какъ будто признаетъ надъ собою и внутри себя только одни семейные законы и имъ только искренно повинуется; всѣ же другіе законы кажутся ему враждебными принужденіями, которымъ должно повиноваться, если нельзя этого избѣжать, но которые позволительно и даже похвально обходить. Словомъ, за границами семейства онъ чувствуетъ себя въ непріятельской землѣ, гдѣ позволено дѣлать все, только бы не попадаться, гдѣ надъ нимъ существуетъ только право силы, а за нимъ—право всякаго рода хитростей и обмана» [4]). Такъ и нашъ крестьянинъ нерѣдко «искренно,

---

[1]) Тамъ же, 222.
[2]) Тамъ же, 227.
[3]) Тамъ же, 228.
[4]) Тамъ же, 231.

въ глубинѣ души признаетъ надъ собою только семейные законы, всѣ же другіе для него не болѣе, какъ враждебныя ухищренія, и всякій *чужой* по большей части для него является человѣкомъ совершенно безправнымъ. Всѣ глубокія сердечныя нити привязываютъ его только къ семьѣ: онъ ихъ только сознаетъ и признаетъ и кладетъ семейный, патріархальный отпечатокъ даже на свои религіозныя понятія и свои понятія о правительствѣ. Онъ горячо и отъ всей души молится Богу, но въ молитвѣ своей проситъ удачи *своему* промыслу, счастія *себѣ и своей семьѣ*... Для него возможно, помолившись очень усердно, немедленно же стать за прилавокъ и съ клятвами и божбою обмѣривать и обвѣшивать покупателя, въ которомъ онъ видитъ существо, не имѣющее никакого права на его честность... Вы были для лавочника то же самое, что въ военное время французскій солдатъ для русскаго солдата—существомъ совершенно безправнымъ, и если не могли защититься, то должны были быть обмануты» [1]).

Такое преобладаніе семейной нравственности въ крестьянскомъ быту—логическій результатъ воспитательной среды. «Семейный бытъ со своимъ патріархальнымъ христіанствомъ являлся до сихъ поръ почти единственнымъ воспитателемъ нашего крестьянина; образованіе, школа, литература не принимали въ немъ почти никакого участія, а суровая жизнь окружала его большею частью непріязненными вліяніями, какъ чужого, не выказывая къ нему ни малѣйшаго сочувствія... Если бы сама общественная жизнь обратилась къ крестьянину съ безкорыстнымъ желаніемъ ему добра, то и въ его сердцѣ развилось бы безкорыстное общественное чувство» [2]).

Тѣ же принципы исключительной семейственности царятъ и въ болѣе высшихъ слояхъ нашего общества.

---

1) Тамъ же, 232—233.
2) Тамъ же, 236—237.

«Стоитъ присмотрѣться къ общественнымъ отношеніямъ въ нашихъ дворянскихъ или служебныхъ кружкахъ, чтобы замѣтить, что въ понятіяхъ о нравственности и здѣсь патріархальный элементъ сильно преобладаетъ или, по крайней мѣрѣ, преобладалъ до сихъ поръ надъ элементомъ государственнымъ и гражданскимъ... «Вы теперь уже семьянинъ», часто говорятъ новому мужу или новому отцу семейства: «и вамъ пора уже оставить всѣ фантазіи молодости, сдѣлаться человѣкомъ *солиднымъ*, позаботиться о семьѣ». И—эти заботы о семьѣ заводятъ человѣка часто въ самую грязную яму. Женщины въ заботахъ о семьѣ естественно идутъ еще дальше мужчинъ. Получивъ поверхностное, по большей части внѣшнее образованіе, недостаточно развитыя для того, чтобы понимать какія-нибудь серьезныя общественныя отношенія или свести идеи частнаго и общественнаго блага, проникаются онѣ въ семействѣ, еще исключительнѣе, чѣмъ мужчины, эгоистическими началами. Имъ нерѣдко кажется, что весь міръ, все государственное устройство, вся служба только для того и существуетъ, чтобы ихъ малымъ дѣткамъ было хорошо. Ихъ семья дѣлается для нихъ средоточіемъ вселенной, и даже въ самой религіи видятъ онѣ средство только семейнаго благополучія и благосостоянія» [1]).

Наша семья готовитъ не гражданъ, а узкихъ эгоистовъ. «Много ли найдется между нашими родителями такихъ, которые бы серьезно, не для формы только, сказали своему сыну: «служи идеѣ христіанства, идеѣ истины и добра, идеѣ цивилизаціи, идеѣ государства и народа, хотя бы это стоило тебѣ величайшихъ усилій и пожертвованій, хотя бы это навлекло на тебя несчастіе, бѣдность и позоръ, хотя бы это стоило тебѣ самой жизни»... Мы смѣло высказываемъ, что семейный эгоизмъ нашъ отравляетъ въ самомъ корнѣ наше общественное воспитаніе — это его глубочайшая язва, изъ которой, по нашему мнѣнію, про-

---

[1]) Тамъ же, 249—251.

истекаютъ всѣ остальныя болѣзни» [1]). «Въ недостаткѣ заботливости о воспитаніи дѣтей нельзя упрекнуть нашихъ родителей: этой заботливости такъ много, что если бы она была направлена на истинный путь, то воспитаніе наше достигло бы высокаго развитія. Но выходя изъ источника семейнаго эгоизма, заботы эти приводятъ часто къ печальнымъ результатамъ и скорѣе мѣшаютъ, чѣмъ помогаютъ правильному воспитанію. По большей части дѣтей не воспитываютъ, а *готовятъ*, чуть не съ колыбели, къ поступленію въ то или другое учебное заведеніе, или къ выполненію условныхъ требованій того общественнаго кружка, въ которомъ, по мнѣнію родителей, придется блистать ихъ дѣтямъ» [2]).

Отсутствіе гражданской жизни, какъ результатъ крѣпостническаго строя, — главная причина подмѣны общественной нравственности семейственностью. Крѣпостное безправіе, широко выходившее за предѣлы тѣснаго круга отношеній между помѣщиками и крестьянами, оказывало губительное вліяніе на всѣхъ и вся. «Нравственность и свобода—два такія явленія, которыя необходимо условливаютъ другъ друга и одно безъ другого существовать не могутъ, потому что нравственно только то дѣйствіе, которое проистекаетъ изъ моего свободнаго рѣшенія, и все, что сдѣлается не свободно, подъ вліяніемъ ли чужой воли, подъ вліяніемъ ли страха, подъ вліяніемъ ли животной страсти, есть если не безнравственное, то, по крайней мѣрѣ, не нравственное дѣйствіе. Поскольку вы даете правъ человѣку, постольку вы имѣете право требовать отъ него нравственности. Существо безправное можетъ быть добрымъ или злымъ, но нравственнымъ быть не можетъ» [3]).

Ушинскій не ограничился выясненіемъ однихъ общихъ принциповъ воспитанія и критикой существующихъ вос-

---

[1]) Тамъ же, 252.
[2]) Тамъ же, 254.
[3]) Тамъ же, 258.

питательныхъ условій. Въ его сочиненіяхъ можно найти также рядъ болѣе частныхъ указаній относительно и методовъ и пріемовъ преподаванія, и школьныхъ программъ, и желательной организаціи школьнаго дѣла.

Поводъ къ ряду цѣнныхъ методическихъ и дидактическихъ замѣчаній дало Ушинскому изученіе школьнаго дѣла въ Швейцаріи. Такъ, по примѣру швейцарскихъ школъ, онъ рекомендуетъ вносить побольше разнообразія въ уроки, почаще обращаться къ самодѣятельности ребенка, чтобы не утомлять его вниманія монотонностью разсказа. Чѣмъ больше преобладаетъ лекціонный способъ преподаванія, тѣмъ короче долженъ быть урокъ. «Если урокъ весь состоитъ изъ толкованія учителя, не призывающаго дѣтей къ участію,—а у насъ именно такіе уроки и встрѣчаются чаще всего,—то я считаю часъ времени nec plus ultra вниманія не дитяти, а взрослаго человѣка» [1]). Особенно безплодны тѣ уроки, на которыхъ монотонный разсказъ идетъ объ руку съ казарменной дисциплиной. «Если классная дама требуетъ, чтобы маленькія дѣти сидѣли неподвижно, какъ куклы, если они не смѣютъ открыть рта, чтобы заговорить съ учителемъ, и если голосъ учителя бубнитъ одиноко, какъ дождь въ стекло, то и одного такого часа достаточно, чтобы измучить дитя и измучить при томъ совершенно безполезно» [2]). Лекціонный способъ преподаванія вообще не пригоденъ для дѣтей, нужно «вывести наше преподаваніе на путь живой бесѣды съ дѣтьми, развивающей и ихъ мысль, и ихъ слово, которыя отъ простого изученія грамоты не подвигаются ни на волосъ впередъ» [3]).

Нужно поменьше задавать уроковъ на домъ и перерабатывать ихъ, главнымъ образомъ, въ классѣ. «Задача уроковъ на домъ и, вслѣдствіе того, возложеніе почти

---

1) Тамъ же, 382.
2) Тамъ же, 381.
3) Тамъ же, 384.

всего труда ученія на однихъ учащихся есть одно изъ наибольшихъ золъ, одолѣвающихъ наши училища» [1]). Ученіе уроковъ на дому дѣлаетъ особенно острымъ вопросъ объ учебникахъ. Какъ извѣстно, не только во времена Ушинскаго, но и до сихъ поръ по многимъ отдѣламъ курса у насъ нѣтъ удовлетворительныхъ учебниковъ. Ученикамъ приходится записывать за учителемъ, иногда подъ его диктовку, иногда самостоятельно составлять записки, иногда переписывать выданныя имъ записки. Ушинскій считаетъ это положительно вреднымъ. «Все, что можно допустить, и то въ высшихъ классахъ—это составленіе конспекта уже прослушанной лекціи. Но къ такому составленію конспектовъ должно пріучать дѣтей мало-помалу, и именно запиской содержанія разсказовъ, бывшихъ предметомъ классной бесѣды: разсказы эти, естественно, должны быть въ началѣ самые коротенькіе» [2]). Останавливается Ушинскій и на вопросахъ классной дисциплины [3]), на перерывахъ, которые слѣдовало бы дѣлать, по примѣру швейцарскихъ школъ, въ урокѣ для оживленія вниманія дѣтей [4]); говоритъ и о пріемахъ обращенія съ ученицами. Ушинскому пришлось присутствовать на лекціи Фрелиха въ учительской семинаріи, и тонъ лектора со взрослыми ученицами невольно вызываетъ въ памяти сопоставленіе съ порядками, до сихъ поръ сохранившимися въ нашихъ институтахъ. «Тонъ съ ученицами дружески наставительный: „докажите мнѣ это, Марта! Объясните мнѣ это, Берта! Такъ ли это, Эмма Никлаусъ?“ Невольно припомнились мнѣ наши *госпожи*: „дважды два, сколько будетъ, госпожа Иванова?“ а эту госпожу чуть видно изъ-за скамейки» [5]).

Что касается *предметовъ*, изучаемыхъ въ школѣ, то съ

---

[1]) Тамъ же, 389.
[2]) Тамъ же, 393.
[3]) Тамъ же, 394—395.
[4]) Тамъ же, 387, 396.
[5]) Тамъ же, 417.

тѣмъ, который считается главнымъ у насъ, именно ученіемъ грамотѣ, Ушинскій совѣтуетъ не торопиться: прежде чѣмъ начать учить чтенію, нужно позаботиться о развитіи ребенка. «Я,—писалъ онъ въ письмѣ по поводу воскресныхъ школъ,—совѣтую вамъ не торопиться съ ученіемъ чтенію и сопровождать это ученіе постояннымъ умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ учениковъ. Надобно сначала расшевелить умъ и сердце ученика, сообщить ему жажду знанія, жажду нравственной и умственной пищи, пріучить его къ этой пищѣ—и потомъ уже, развернувъ предъ нимъ книгу, благословить его на дальнѣйшій, самостоятельный прогрессъ» [1]).

Кромѣ предметовъ, входящихъ въ составъ курса нашихъ училищъ, Ушинскій находитъ очень умѣстнымъ введеніе и у насъ принятаго въ швейцарскихъ школахъ курса *Heimats-Kunde* (родиновѣдѣнія, въ смыслѣ нагляднаго изученія того уголка природы, въ которомъ приходится жить ребенку). Подобное изученіе сближаетъ съ природой. А природа—великій наставникъ. «Природа есть одинъ изъ могущественнѣйшихъ агентовъ въ воспитаніи человѣка, и самое тщательное воспитаніе безъ участія этого агента всегда будетъ отзываться сухостью, односторонностью, непріятною искусственностью. Бѣдное дитя, если оно выросло, не сорвавъ полевого цвѣтка, не помявши на волѣ зеленой травы! Никогда оно не разовьется съ тою полнотою и свѣжестью, къ которымъ способна душа человѣческая: развитіе его всегда будетъ отзываться душною атмосферою запертыхъ зданій» [2]).

Въ *среднихъ* школахъ Швейцаріи Ушинскаго особенно плѣнило объединеніе въ Vaterlands-und Weltkunde географіи, исторіи и естественныхъ наукъ. «Центральнымъ предметомъ служитъ географія: естественныя науки даютъ ей матеріалъ, а исторія на ней строится. Я давно меч-

---

[1]) Тамъ же, стр. 187.
[2]) Тамъ же, 375,

талъ о такомъ предметѣ, и потому очень обрадовался, встрѣтивъ его здѣсь» [1]).

Въ программахъ нашихъ среднихъ школъ особенно желательными представлялись бы слѣдующія измѣненія: болѣе серьезное изученіе родного языка, введеніе естествознанія и исключеніе древнихъ языковъ. «Мы,—говорилъ Ушинскій,—не отрицаемъ, что изученіе классическихъ языковъ и классическихъ писателей развиваетъ умъ и сердце человѣка; но толковое изученіе каждаго предмета развѣ не дѣлаетъ того же самаго?.. Слѣдовательно, должно еще доказать, вознаграждается ли время, которое должно употребить на изученіе классическихъ языковъ, безспорно болѣе трудныхъ для усвоенія дѣтьми, чѣмъ новые,—вознаграждается ли настолько, чтобы ихъ должно было предпочесть изученію новыхъ языковъ или изученію естественныхъ наукъ?» [2]). «Въ гимназіяхъ древніе языки слѣдовало бы проходить только для желающихъ, и то въ три послѣдніе года; въ университетахъ на первыхъ двухъ курсахъ филологическаго факультета слѣдовало бы посвящать половину времени изученію древнихъ языковъ; двухлѣтняго занятія латинскимъ языкомъ на первыхъ курсахъ юридическаго факультета достаточно было бы, чтобы приготовить къ чтенію пандектовъ; годового занятія латинскимъ языкомъ на медицинскомъ факультетѣ достаточно, чтобы познакомить молодыхъ людей съ медицинскою латынью» [3]).

Очень важно было бы также введеніе физическаго труда въ нашу школу. Результаты благотворнаго вліянія физическихъ занятій Ушинскому пришлось наблюдать въ учительской семинаріи въ Мюнхенбухзее, и онъ съ удовольствіемъ вспоминаетъ: «что за свѣжія, здоровыя лица, что за крѣпкіе, гибкіе мускулы, какія мужественныя,

---

[1]) Тамъ же, 409.
[2]) Тамъ же, 509.
[3]) Тамъ же, 519.

юношескія физіономіи» [1]) были у воспитанниковъ этой семинаріи.

Всего подробнѣе Ушинскому пришлось высказаться по поводу плана учительской семинаріи, но мы не рѣшились бы отнести «проектъ учительской семинаріи» къ числу удачныхъ произведеній Ушинскаго. Написанный еще до непосредственнаго ознакомленія съ постановкой дѣла за границей, проектъ явился результатомъ книжнаго изученія предмета и во многихъ своихъ частяхъ поражаетъ непріятнымъ сходствомъ съ «Раумеровскими регулятивами», стяжавшими печальную извѣстность въ Германіи [2]). Постановленія этихъ регулятивовъ цитируются сочувственно. «Вотъ почему,—пишетъ, напримѣръ, Ушинскій,—нѣкоторымъ прусскимъ семинаріямъ прямо ставится въ обязанность—не переучить (nicht überlernen) будущихъ учителей. И дѣйствительно, обширныя познанія могутъ только вытѣснить учителя изъ той скромной колеи, которую онъ для себя избралъ, и помѣшать его ограниченной, но въ высшей степени важной для государства дѣятельности... Германскіе педагоги [3]) именно замѣчаютъ, что молодые люди, слушавшіе университетскіе курсы и вынесшіе изъ нихъ высокія научныя идеи, по большей части, являются дурными элементарными и народными учителями, внося эти идеи со всею ихъ обширностью и вмѣстѣ со всею ихъ неопредѣленностью въ свою школьную дѣятельность. То же самое замѣчаніе приложимо и къ нашимъ уѣзднымъ училищамъ, и младшимъ классамъ гимназій [4]). «Народныхъ учителей вредно возводить на ту среднюю ступень образованія или, лучше сказать, сообщать имъ то поверхностное, самонадѣянное полуобразо-

---

[1]) Тамъ же, 442.

[2]) См. о нихъ „Вѣстн. Восп.“ 1899 г.

[3]) Въ общемъ видѣ ссылка на германскихъ педагоговъ была невѣрна уже для своего времени, теперь же пришлось бы сказать Ушинскому прямо противоположное.

[4]) Собраніе педагогич. сочиненій, 290—291.

ваніе, которое скорѣе всего ведетъ къ сомнѣнію въ религіи, а потомъ къ безвѣрію. Ожидать, чтобы учитель народной школы самъ перешагнулъ за эту ступень и достигъ того высшаго образованія, которое снова возвращаетъ человѣка къ религіи, никакъ нельзя... По этой уже самой причинѣ слѣдуетъ зорко наблюдать не только за тѣмъ, что учатъ будущіе учителя, но и за тѣмъ, что они читаютъ и съ какою литературою знакомятся. Иная книга или даже двѣ-три журнальныя статьи, прочитанныя молодымъ человѣкомъ 17-ти или 18-ти лѣтъ, могутъ сгубить въ немъ навсегда будущаго народнаго учителя» [1]).

Какъ прусскимъ учительскимъ семинаріямъ того времени, такъ и проектируемымъ Ушинскимъ семинаріямъ, по какому-то недоразумѣнію, рекомендуются задачи семинарій духовныхъ. «Тѣ изъ воспитанниковъ, которые обладаютъ сколько-нибудь порядочнымъ голосомъ, должны быть пріучены къ церковному пѣнію, такъ чтобы могли упражнять въ немъ своихъ будущихъ учениковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ помогать священнослужителю при совершеніи священнодѣйствій. Курсъ исторіи долженъ ограничиться краткою отечественною исторіей и немногими крупнѣйшими событіями всеобщей, необходимыми или для пониманія св. писанія и исторіи церкви, или для объясненія событій отечественной исторіи. Таковъ же почти долженъ быть и курсъ географіи... Грамматическій курсъ долженъ быть самый ограниченный, и даже легкія орѳографическія ошибки могутъ быть извинены... Знакомство съ церковно-славянскимъ языкомъ и привычка къ чтенію на немъ и точное пониманіе читаемаго должно составлять одну изъ главныхъ задачъ» [2]). Все это, съ соотвѣтственными измѣненіями, и практиковалось въ прусскихъ учительскихъ семинаріяхъ временъ «регулятивовъ», и результаты получались самые плачевные. Семинаріи выпус-

---

[1]) Тамъ же, 293.
[2]) Тамъ же, 317–318.

кали не учителей, а какихъ-то дьячковъ, полуграмотныхъ, но умѣвшихъ блеснуть цитатами изъ церковныхъ книгъ.

Все это со стороны Ушинскаго было плодомъ печальнаго недоразумѣнія, съ одной стороны—увлеченіемъ готовымъ, но плохимъ образцомъ, съ другой — невѣрнымъ выводомъ изъ нѣкоторыхъ теоретическихъ предпосылокъ. Предпосылка состояла въ томъ, что при проведеніи любой мѣры, въ частности при организаціи народнаго образованія, нужно считаться съ особенностями данной обстановки, нужно съ уваженіемъ относиться къ народной душѣ. Народъ нашъ религіозенъ, слѣдовательно,—вотъ тутъ-то и происходитъ необъяснимый логически скачокъ,—школа должна носить церковный характеръ, тѣмъ же характеромъ должны отличаться и преподаватели, священникъ долженъ преподавать не только законъ Божій, но и всѣ предметы, а свѣтскіе учителя должны какимъ-то образомъ строить преподаваніе всѣхъ предметовъ на христіанской почвѣ [1]). Все это смѣшеніе въ одну кучу религіи и церковности, задачъ религіознаго воспитанія и умственнаго развитія, какъ-то странно звучитъ въ устахъ Ушинскаго.

Странно звучитъ также—и все въ той же статьѣ (о нравственномъ элементѣ въ русскомъ воспитаніи)—доведенное до нелѣпости восхваленіе патріотизма. Хорошъ истинный патріотизмъ, но квасной патріотизмъ, кромѣ худого, никогда ничего другого не приносилъ. Ушинскій въ то время думалъ какъ будто бы иначе. «Не будемъ же,—совѣтовалъ онъ, слишкомъ строги и къ нашему, хотя-бы и квасному, патріотизму: это богатая почва, на которой выросло и расцвѣло множество прекрасныхъ растеній. Какое сходство между великолѣпнымъ цвѣткомъ даліи и ея некрасивымъ, запачканнымъ корнемъ? Но только для ребенка трудно понять, какъ такой некрасивый корень далъ столько роскошныхъ цвѣтовъ» [2]). Психоло-

[1]) Тамъ же, 242—244.
[2]) Тамъ же, 265.

гически это заявленіе объясняется, повидимому, недовольствомъ тогдашнимъ отрицательнымъ направленіемъ литературы. Ея отрицанію, представлявшемуся Ушинскому «поистинѣ вандальскимъ, все разрушающимъ, ничего не сберегающимъ и ничего не создающимъ» [1]), онъ пытался— и неудачно—противопоставить преклоненіе предъ положительными сторонами русской жизни.

Но все это было случайнымъ эпиздомъ, не стоящимъ ни въ какой органической связи со всею дѣятельностью Ушинскаго.

До конца жизни онъ оставался глубоко религіознымъ человѣкомъ, но реальная дѣйствительность заставила его отказаться отъ увлеченія церковной школой. Въ статьѣ «Общій взглядъ на возникновенія нашихъ народныхъ школъ» онъ писалъ уже: »Идея церковной школы не пустила у насъ корней ни въ народѣ, ни въ духовенствѣ... Мы видимъ даже, что для преподаванія закона Божія въ школахъ, преподаванія дѣйствительнаго и постояннаго, и особенно если надъ этимъ преподаваніемъ есть зоркій контроль, не всегда можно найти преподавателей между приходскими священниками, такъ какъ они имѣютъ для этого очень мало времени. Съ другой стороны, мы видимъ также, что и сами крестьяне высказываются, и иногда довольно рѣшительно, противъ назначенія лицъ приходскаго духовенства учителями въ крестьянскія школы» [2]). «Какъ ни мало знакомъ нашъ народъ со школьнымъ дѣломъ, но все же понимаетъ, что его нельзя дѣлать кое-какъ и урывками, въ часы, свободные отъ другихъ главныхъ занятій, что учитель школы долженъ отдать все свое время школьному дѣлу и что приходскій священникъ никакъ не можетъ этого сдѣлать» [3]).

Изъ уваженія къ душѣ народа выводится теперь не

---

1) Тамъ же, 266.
2) Тамъ же, 558.
3) Тамъ же, 559.

желательность насильственнаго вмѣшательства въ школьное дѣло, а требованіе возможно большаго предоставленія школы самому народу. Ушинскій настаиваетъ на необходимости обращаться со школьнымъ дѣломъ «какъ можно осторожнѣе, чтобы какимъ-нибудь насильственнымъ вмѣшательствомъ не повредить этому, только что начинающему пробиваться изъ земли растенію, а существенно мы можемъ повредить ему тогда, если чѣмъ-нибудь выскажемъ крестьянину, что его школа, имъ заводимая и оплачиваемая, не совсѣмъ-то его и что заводить-то ее онъ можетъ, но распоряжаться ею будутъ другіе» [1]).

«Предоставить народную школу народу—вовсе не значитъ предоставить ее случайностямъ, ибо направленіе народа гораздо менѣе зависитъ отъ случайности, чѣмъ направленіе какой-бы то ни было администраціи. Вотъ уже около 20 лѣтъ, какъ мы болѣе или менѣе вращаемся въ кругу административныхъ распоряженій по дѣлу образованія. И какихъ только перемѣнъ въ этихъ направленіяхъ не насмотрѣлись мы!.. Эта комедія направленій была довольно длинна и пестра, чтобы наконецъ не опротивѣть окончательно всякому мыслящему человѣку, не забывающему при крикахъ сегодняшнаго торжества точно такихъ же криковъ торжества вчерашняго» [2]).

«Что же касается до административныхъ наблюденій за направленіемъ учебныхъ заведеній, то неужели мы до сихъ поръ еще не убѣдились, по крайней мѣрѣ, въ томъ, что наблюденіе въ такомъ трудно услѣдимомъ дѣлѣ, каково ученіе и воспитаніе, весьма не надежно и даетъ самые слабые результаты» [3]).

«Такимъ образомъ, наше убѣжденіе въ отношеніи зарождающейся у насъ народной школы состоитъ въ томъ, чтобы прежде всего предоставить это дѣло самому народу

---

[1]) Тамъ же, 561—562.
[2]) Тамъ же, 563.
[3]) Тамъ же, 566.

и чтобы какъ администрація, такъ и высшіе слои общества сохранили за собою право содѣйствовать этому дѣлу только убѣжденіемъ, разъясненіемъ, примѣромъ и наконецъ матеріальною или интеллектуальною помощью, но никакъ не принужденіемъ, запрещеніемъ, регламентаціей и тому подобными мѣрами, которыя были у насъ прежде въ такомъ ходу и которыя здѣсь въ этомъ, чисто семейномъ, дѣлѣ народа не должны имѣть никакого мѣста. Если мы сознали всю настоятельную, грозно настоятельную потребность поднять уровень народнаго образованія, и если мы, въ то же время, сознали, что это можетъ быть сдѣлано только усиліями и средствами самого же народа, то мы, конечно, отбросимъ всякое самолюбіе, будемъ заботиться о томъ, чтобы народная школа, насаждаемая самимъ народомъ, росла и развивалась безпрепятственно, хотя бы честь этого развитія всецѣло принадлежала самому народу, а не нашимъ административнымъ мѣрамъ» [1]).

Вотъ это уже, дѣйствительно, рѣчь Ушинскаго,—такого, какимъ привыкли представлять его себѣ, какого любишь тѣмъ больше, чѣмъ ближе узнаешь. Такого Ушинскаго всегда будутъ поминать съ благодарностью, и долго еще будетъ чему поучиться у него.

---

[1]) Тамъ же, 567 и 568.